

Николаев Г.А. О сопоставительном словообразовании русского и польского языков / Г.А.Николаев // II Славистические чтения памяти проф. П.А.Дмитриева и проф. Г.И.Сафронова: Материалы международной научной конференции. 12-14 сентября 2000 г. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. - С. 55-57.

Развитие типологического языкознания выдвинуло в число актуальных проблемы историко-сопоставительных исследований. Историко-сопоставительное изучение близкородственных языков основывается на неодинаковых темпах развития одинаковых языковых процессов, результаты которых зафиксированы в синхроническом состоянии сопоставляемых языков, учитывает результаты сравнительно-исторических исследований и является фактически продолжением последних на историческом (письменном) этапе развития этих языков.

Особенно применима историко-сопоставительная методика в исследованиях по словообразованию, так как в этой языковой сфере ученые имеют дело с явлениями процессуального характера, развертывающимися во времени. Словообразование славянских языков в сопоставительном аспекте только начинает изучаться специалистами, причем изучается оно в основном с чисто синхронических позиций.

Одним из основополагающих выводов, к которому пришли ученые, занимавшиеся славянским словообразованием и с синхронических, и с диахронических позиций, можно считать заключение о чрезвычайной близости всех славянских языков именно в их словообразовательных системах [1]. К общеславянским словообразовательным универсалиям относятся: одинаковые способы словопроизводства (морфемный и семантический), одинаковые разновидности морфологического способа (префиксация, суффиксация, конфиксация), более или менее одинаковые словообразовательные средства, в том числе – нулевые морфемы, наличие продуктивных аффиксоидных типов словопроизводства, типов сложения и сращения слов и т.д.

Историко-сопоставительный подход к фактам славянского словообразования обнаруживает и более глубокие идентичные процессы в славянских языках: взаимодействие словообразования и формообразования, взаимодействие морфологического и семантического способов словообразования, формирование на базе этого взаимодействия феномена словообразовательной омонимии, развитие словообразовательной синонимии и антонимии в системе славянских словообразовательных типов, направленное развитие глагольно-именных и субстантивно-адъективных словообразовательных отношений, формирование на этой базе взаимной и обратной мотивированности производных единиц, развертывание параллельных процессов в изоморфных системах слово- и формообразования и т.д.

Каждый славянский язык занимает свое место в историко-сопоставительных словообразовательных исследованиях. Предметом наших наблюдений является роль польского языка в решении отдельных вопросов сопоставительного словообразования. Роль эта связана, между прочим, с тем, что польский язык является языком народа католического вероисповедания, поэтому в его истории несколько иначе, чем в восточно- и южнославянских языках, отразилась связь его с языком старославянским как языком православного культа. В то же время известно, что старославянский язык был в первые столетия языком, на котором велось богослужение в славянских странах, в том числе и в Польше, по крайней мере до конца XI – начала XII вв., когда произошло полное разделение церквей [2].

Какое это имеет отношение к словообразованию? Как ни странно, самое непосредственное, так как в науке до сих пор не решен вопрос о так называемых суффиксах старославянского происхождения. И материал польского языка играл при решении этого вопроса, можно сказать, знаковую роль. Действительно, если суффиксы **-ньje**, **-тьje**, **-telь**, **-ostь**, **-stvo**, **-stvьje**, **-izna** старославянские, то почему

почти все они есть в польском языке и в достаточном количестве? Именно к этому аргументу и прибегали сторонники общеславянского происхождения этих морфем, исходя из того, что старославянский язык не имел большого влияния на язык польский. Они есть во всех славянских языках, – отвечали их оппоненты, – потому что старославянский язык был культовым языком всех славян, в том числе и поляков, и на тесную связь этих суффиксов со старославянским языком указывает их стилистическая маркированность: они во всех славянских языках являются принадлежностью в основном книжной речи.

Дело, конечно, здесь сложнее, так как в истории этих суффиксов тесно переплелись их общеславянская генетическая основа и старославянское функциональное начало. В первых старославянских переводах они использовались как живые славянские словообразовательные формы (например, в Киевских глаголических листках). Но в других славянских языках, при переписывании священных книг, а потом и при сочинении оригинальных богословских текстов эти словообразовательные типы были поняты как принадлежность языка святого писания. И культивировались они в основном в этих текстах.

Конечно, трудно себе представить, что при значительной близости славянских языков, особенно в древности, именно в плане словообразования, в каком-то одном южнославянском диалекте было так много специфических суффиксальных типов, которых больше не было ни в одном славянском языке. На это обратил внимание в свое время Н.М.Шанский [3]. А ведь это словообразовательные типы, образующие основные словообразовательные категории каждого славянского языка – лицо, действие, качество. Даже в современных славянских языках отличия в системе словообразовательных средств связаны с позднейшими факторами: разными производящими основами, к которым присоединялись одинаковые для всех славянских языков морфемные средства, а отсюда разные вторичные суффиксальные элементы, возникшие на основе переинтеграции морфем – явления, открытом Бодуэном де Куртенэ. Именно этими вторичными формантами и отличаются современные славянские словообразовательные системы.

Что касается "первичных" морфем, то здесь разница в основном количественная. Так, суффиксы **-acz** или **-arz**, весьма продуктивные в польском языке, в русском находятся на периферии словообразовательного поля имен со значением лица. Конечно, я ни в коем случае не хочу сказать, что все так называемые первичные морфемы (т.е. фактически общеславянские морфемы, на основе которых возникали новые морфемы путем интеграции, переинтеграции или редупликации) абсолютно одинаковы во всех славянских языках. Но в основном это так.

Различия в функционировании "первичных" славянских морфем в разных языках связаны и с взаимодействием морфологического и семантического способов словообразования, которое вело к омонимии словообразовательных типов, а соответственно и к омонимии словообразовательных средств и которое протекало по разным славянским языкам неодинаково. Между прочим, в этой неодинаковости этого, можно сказать, универсального языкового процесса и сказывается специфика каждого славянского языка. Так, в сфере *nomina agentis* во всех языках (славянских и неславянских) формировалась семантическая модель "лицо-орудие". Но в разных славянских языках эта модель реализовалась по-разному в агентивных словообразовательных типах.

Например, в русском языке она получила широкое распространение в сфере имен с суффиксом **-тель** (истребитель – самолет и летчик, искатель, копатель, разбрасыватель, распределитель, спасатель> и др.), в результате чего появилась омоморфема **-тель**, образующая имена орудий непосредственно, минуя агентивную ступень (выключатель, проигрыватель и мн.др.). В польском языке, насколько мне

известно, суффикс **-ciel** вообще не используется в орудийном значении. Зато взаимодействие значений лица и орудия широко распространено здесь в сфере имен на **-acz** (biegacz – бегун и бегунок, oczyszczacz – чистильщик и фильтр, zapalacz – запальщик и запальник и др.) [4]. В русском языке в сфере имен на **-ач** также зафиксированы случаи оморфемности (ср.:). Но в силу небольшой продуктивности самих имен на **-ач** этих случаев также немного.

Неодинаковы случаи интеграции морфем в истории русского и польского языков. Так, если в русском языке интегрировались суффиксы **-ьск-** и **-ик-**, в результате чего возник агентивный суффикс **-щик**, в других славянских языках этой интеграции не произошло. Имена на **-щик(-чик)**, встречающиеся в них, специалисты относят к типичным русизмам. Собственно, в польском языке таких русизмов не отмечено. Правда, здесь есть свой суффикс **-czyk**, встречающийся в названиях лиц по национальной принадлежности и по месту жительства (Wietnamczyk, Estonczyk, Japonczyk и т.п.), по принадлежности к идейному течению, учению, интересам и т.п. (epikurejczyk, olimpijczyk), учеников и подручных рабочих (malarczyk, fryzjerczyk – młody fryzjer albo pomocnik fryzjerski etc.), и т.п. [5], т.е. тех значениях, которые в русском языке передаются суффиксом **-ец**. Но его нельзя считать польским аналогом русского **-щик(-чик)**: во-первых, этому противится фонетика (общеславянское сочетание ***sk** перед гласными переднего ряда во всех славянских языках давало одинаковые рефлексy, поэтому и в польском языке суффикс имел бы вид **-szczyk**); во-вторых, этому противится и морфология: скорее всего суффикс **-czyk** имеет такое же происхождение, как и русский **-чик** в словах типа мальчик, купчик и т.п. (т.е. **-ьсь + икъ**). Ср. межъязыковую синонимию типа вьетнамец – Wietnamczyk, японец – Japonczyk, олимпиец – olimpijczyk, эпикуреец – epikurejczyk и т.п.); наконец, в-третьих, нет и семантических оснований говорить об одинаковости суффиксов: русский **-щик** называет лицо на основании его деятельности, польский этого значения не имеет.

Суффикс **-щик**, возникший в русском языке как параллельный формант к общеславянскому суффиксу **-ьникъ**, оформлял имена с теми же значениями, что и суффикс **-ьникъ**, значения которого имели фактически тоже общеславянский характер. Значения польского суффикса **-czyk** отсутствуют в системе значений суффикса **-ьникъ** (а следовательно, и русского суффикса **-щикъ**).

Суффикс **-щик** возник в русском языке, можно сказать, одновременно с суффиксом **-ка**, оформлявшим *nomina actionis*. Возникли они оба в разговорном языке для оформления в нем двух центральных семантико-словообразовательных категорий – *nomina agentis et nomina actionis*. В польском языке суффикс **-ка**, в отличие от суффикса **-щик**, представлен, правда, как считает Н.П.Романова, в польском языке, *"где формы на -nie функционально-стилистически не закрепились и продуктивность их чрезвычайно высока, имена действия на -ка не получили существенного развития"* [6]. Конечно, в современном польском языке суффикс **-ка** является одним из продуктивных формантов. Но его продуктивность не идет ни в какое сравнение с продуктивностью русского суффикса **-ка**. По подсчетам Р.Гжегорчиковой, в польском языке отмечено около пятисот прилагательных имен с суффиксом **-ка**, в русском же языке их более 2000 (Обратный словарь) [7]. Н.П.Романова считает, что в русском языке *"активизация моделей отвлеченных образований на -ька(-ька) происходила в разговорной речи и была противопоставлена высокой продуктивности отвлеченных имен на -ние, -ение в книжном языке"* [8].

Появление суффикса **-щик** в русском языке было вызвано теми же причинами – развитием противопоставления книжной речи разговорной. Активизация процесса была связана с демократизацией русского литературного языка после так называемого "второго славянского влияния". В польском языке, где не было такого

засилия старославянского языка, а потому не было такой резкой жанрово-стилистической противопоставленности, не возникло такой потребности в формировании новых словообразовательных типов специально для разговорной речи. Там не появился суффикс **-щик** и суффикс **-ка** развит слабее, чем в русском языке.

В польском языке не произошло и интеграции суффикса **-stvo** и **-je**, в отличие не только от южнославянских языков и русского языка, но и от языка чешского, западнославянского. Обилие имен на **-stvi** в чешском языке объясняют моравской традицией. Именно наличие имен на **-ствие** в древнерусских переводных памятниках является самой яркой чертой принадлежности оригинала к моравской письменной школе.

Широко отражен суффикс **-ствие** в тех памятниках, которые несут черты чешского происхождения. Так, в Беседах папы Григория А.И.Соболевский отметил 14 имен на **-ствие**: богатствие, божество, владычество, вчньствие, господствие, злобствие, лакомствие, плодствие, подобствие, различствие, родствие, сущствие, смрът(в)ствие. Есть имена на **-ствие** в Никодимовом Евангелии – поганствие и отрочствие (редко встречающиеся образования). Здесь их мало, но и они весьма показательны, если учесть, что в евангельских текстах имена на **-ствие** встречаются реже, чем произведениях более "высоких" книжных жанров [8]. И даже в Пражских отрывках, очень небольших по объему, есть два слова на **-ствие**: цсарствие и шствие.

Загадочно в этом отношении отсутствие имен на **-ствие** в Киевских глаголических листках. Отсутствие их еще не опровергает их моравского происхождения, однако может быть использовано в ряду аргументов того же А.И.Соболевского, считавшего, что памятник имеет польское происхождение [9]. Однако, учитывая обилие в КЛ южнославянских языковых черт, некоторые из них свойственны и моравским памятникам (например, южное неполногласие), можно отсутствие имен на **-ствие** объяснить ориентацией переписчика на болгарские письменные нормы, умеренно использовавшие этот суффикс.

Интеграция суффиксов **-stvo** и **-je** в славянских языках явилась одновременно и редупликацией, поскольку были интегрированы два близкочуждых аффикса (см.: О.Ю.Крючкова). Русский язык с древнейших времен проявил большую склонность к нанизыванию при образовании слов таких аффиксов. Это проявлялось как в книжном языке (случаи типажи-тел-инь, обита-тел-ьникъ, зъл-об-ьство, ковар-ьствие, мол-ьб-ств-ова-ние и другие *nomina agentis et nomina abstracta*), так и в разговорной речи (в деминутивной лексике: жереб-ец – жереб-ч-ик, изб-ушк-а – изб-ушеч-ка и т.п.). В польском языке редупликация тоже встречается, например, в деминутивах (*gloweczka* – 'mala glowka', *podworze* – *podworko* – *podworeczko*), но значительно меньше, чем в русском языке. Для польского языка трудно представить такие образования, как русские председательствование или путешествие и т.п. Правда, как отмечает Л.А.Шкатова, современный польский язык, как и русский, стремится избавиться от омонимии "лицо – орудие" путем наращивания морфем. Ср. русск. дегазатор – дегазаторщик, гаситель – гасительщик и т.п. и польск. *powielacz* – *powielaczowy*, *numerator* – *numeratorowy* etc.[10].

Я не буду говорить здесь об известной всем посреднической роли польского языка при заимствовании русским языком западных элементов (глаголов на **-овать**, имен на **-(а)ция** типа атаковать, революция и др.). Взаимодействие восточно- и западнославянских языков в сфере словообразования имеет ряд интересных аспектов, которые могут стать предметом их рассмотрения.

Примечания:

1. См.: Лопатин В.В., Улукханов И.С. Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков // Славянское языкознание: Доклады советской делегации (IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983). – М.: Наука, 1983. – С. 169.

2. См.: Успенский Б.А.

3. См.: Шанский Н.М. О происхождении и продуктивности суффикса -ость в русском языке // Вопросы истории русского языка. – М., 1959. – С. 116.

4. См.: Маркарян Н.Е., Николаев Г.А. Сопоставительное словообразование и формообразование русского и польского языков: Имя существительное. – Казань, 1990. – С. 27.

5. См.: Grzegorzczkova R., Puzynina J. Slowotworstwo wspolczesnego jezyka polskiego/ – Warszawa. 1979. – S. 189-190.

6. См.: Романова Н.П. Словообразование и языковые связи: Русско-украинско-польские языковые связи XVI-XVII вв. и вопросы словообразования. – Київ: Наукова думка, 1985. С. 132

7. Там же.

8. См.: Николаев Г.А.Имена существительные с суффиксом -ьствие в древнерусском литературном языке // История русского языка: Стилистика. Текст. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1992. – С. 93.

9. См.: Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. – СПб, 1910. – С. 106-109.

10. См.: Шкатова Л.А. К вопросу о вторичной суффиксации в русском и польском языках // Studia Rossica Posnaniensia. Poznan, 1976, z. VII, s. 133-140.